

Шаров Андрей Олегович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

**Объективная сторона семейного правонарушения: теоретическое осмысление
и практика применения**

Аннотация. Для инициирования применения семейно-правовой ответственности необходимо наличие состава семейного правонарушения, включающего в себя совокупность элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Как правило, и в научной литературе, и на практике, наибольшие затруднения вызывает трактовка объективной стороны семейного правонарушения. Изложенным обусловлена актуальность темы проводимого исследования. Автором предпринята попытка соотнести теоретические изыскания в части объективной стороны семейного правонарушения с позицией правоприменителя, прослеживаемой в материалах судебной практики.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность, семейное правонарушение, объективная сторона, противоправность, вред, угроза причинения вреда, причинно-следственная связь.

Объективная сторона семейного правонарушения включает в себя следующие признаки: противоправность деяния; вред или угроза его причинения; причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившим вредом или угрозой его причинения.

Рассмотрение неправомерных действий, связанных с семейными правоотношениями, требует отдельного анализа. Например, заключение недействительного брака может включать: несоблюдение правовых условий его заключения, как указано в статьях 12 и 13 Семейного кодекса Российской Федерации

[1] (далее – СК РФ); совершение брака при существовании запретов, обозначенных в статье 14 СК РФ; утаивание одним из партнёров своей венерической болезни или ВИЧ-инфекции от другого, что прописано в пункте 3 статьи 15 СК РФ; и заключение брака без действительного намерения супругов сформировать семью, как это интерпретируется в пункте 1 статьи 27 СК РФ, – то есть, речь идёт о фиктивном браке. В таких случаях мотивы вступающих в брак нацелены не на установление взаимных обязательств и прав, а на извлечение материальной пользы, улучшение социального положения и иные подобные, не связанные с формированием семьи, цели [9]. Например, по причине серьёзного онкологического заболевания, препятствовавшего способности покойной осознавать свои поступки и контролировать их, брак был аннулирован. Это произошло в связи с тем, что были установлены факты отсутствия её сознательного согласия на вступление в брак с ответчиком [3].

В другом случае, суд, опираясь на доказательства, предоставленные заявителем, и совокупность значимых юридических фактов, подтвержденных свидетельскими показаниями, а также результатами миграционного и прокурорского обследования, удовлетворил требования прокурора. Выяснилось, что брачный союз между В. и М. был заключен без намерения формирования семейной ячейки, а исключительно с целью обеспечения легального статуса В. на территории России. В связи с этим заключение данного брака признано недействительным согласно статьям 12 - 15, 27 и 28 СК, что послужило основанием для принятия решения в пользу заявителя [4]. Брачный союз не будет считаться недействительным в случае, когда один из супругов, выступающий в роли истца, был осведомлен о мнимом характере заключаемого союза на момент его регистрации [5].

В статье 69 СК РФ закреплены основания лишения родительских прав, которые детально рассматриваются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 [2]. На первое место среди оснований выдвигается недобросовестное исполнение родительских обязательств – например, отсутствие внимания к здоровью или недостаточная поддержка физического, психического, духовного и нравственного развития детей, а также их образования. Тем не менее, на практике сложно классифицировать некоторые действия как уклонение от исполнения

обязанностей родителей. Важно акцентировать внимание именно на систематическом их игнорировании, что в конечном итоге помогает сохранить право детей на семейное воспитание при однократном, несистемном уклонении со стороны родителей. Поэтому представляется целесообразным изменение формулировки абзаца 2 ст. 69 СК РФ и изложение его следующим образом: «... злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе в случаях злостного уклонения от уплаты алиментов;...».

Согласно п. 2 ст. 73 СК РФ, ограничение родительских прав возможно в случаях, когда поведение одного из родителей представляет опасность для ребенка. Например, выяснилось, что семья ответчика находится под наблюдением ГКУ СО «КЦСОН Западного округа» отделение ГО Октябрьск из-за социально опасного положения. Установлено, что условия проживания ребенка создают риск для ее благополучия и не соответствуют требованиям по воспитанию. Документы подтверждают, что ответчик, злоупотребляющий алкоголем, демонстрирует агрессивное поведение, что формирует опасность негативных последствий для физического и психологического здоровья несовершеннолетнего ребенка. Конфликты в семье часто приводят к вызову полиции. Кроме того, отец не оказывает материальную поддержку и не демонстрирует стремления забрать дочь домой, а также не предпринимает шагов для лечения алкоголизма. В заключении МКУ «Управление по вопросам семьи ГО Октябрьск Самарской области» отмечена необходимость ограничения родительских прав ответчика З.О., отца несовершеннолетней З.Т., в интересах защиты ребенка [6].

Согласно статье 77 СК РФ, отобрание ребенка может быть осуществлено при наличии прямой угрозы его жизни или состоянию здоровья. Однако, данное законодательное положение не даёт определённого описания понятия «непосредственная угроза». В пункте 28 Постановления № 44 [2] разъясняется, что такая угроза ведет к явному риску негативных последствий, таких как смерть или причинение вреда физическому либо психическому состоянию ребенка, из-за действий или бездействия родителей либо других опекунов. Примерами подобной угрозы могут служить недостаток необходимого ухода, не соответствующего потребностям

ребенка, обусловленным его возрастными и физическими характеристиками. Это может выражаться в недополучении ребенком воды, пищи, жилища, уходе за грудничком или в оставлении его без присмотра длительное время. В каждом случае уровень риска и опасности следует оценивать, принимая во внимание конкретную ситуацию, возрастные и физиологические особенности ребенка, а также другие влияющие факторы.

Например, судебное разбирательство подтвердило отцовство К. в отношении несовершеннолетней ФИО7. Одновременно с этим на К. было возбуждено уголовное дело из-за телесных повреждений, обнаруженных у ФИО7 в школе, о которых ребенок сообщил педагогу, указывая, что это дело рук ее отца. Однако следователь прекратил дело, так как не нашлось подтверждения преступного события. Распоряжением отдела социальной защиты населения ФИО7 временно размещена в Центре поддержки семьи и детства (ЦПСИД), чтобы оградить ее от потенциальной опасности со стороны К., поскольку расследование фактов избиения продолжалось. ГБУ ЦПСИД САО было отправлено официальное письмо от отдела социальной защиты района Левобережный Москвы. В письме уведомлялось о размещении малолетней ФИО7 в данном центре. Это стало мерой предосторожности в связи с проверкой подозрений на телесные повреждения и насильственные действия сексуального характера, предположительно совершенные отцом, до выяснения всех обстоятельств дела. Административный истец утверждал, что действия ответчика по размещению несовершеннолетнего ФИО7 в ЦПСИД незаконны и ущемляют права как самого истца, так и его ребенка. Ответчик предпринимал меры по изъятию ФИО7 из семьи для помещения в ЦПСИД САО, что и явилось основанием оспаривания этих шагов в административном порядке. При рассмотрении данного дела суд, проанализировав предоставленные доказательства, не обнаружил оснований для удовлетворения предъявленных требований. Административный ответчик предпринял меры для защиты здоровья ребёнка на временной период проведения уголовного расследования и выяснения возможности жестокого обращения со стороны родных. Хотя в результате следствия не нашлось подтверждений нанесения отцом телесных повреждений сыну ФИО7, это не указывает на неправомерность

действий административного ответчика. Помещение ребёнка в специализированное учреждение было необходимо для предотвращения взаимодействия с отцом до выяснения способов эффективной защиты его жизни и здоровья и целесообразности такой защиты. Решения об изъятии ребёнка из семьи основывались на полученной информации, а целью было исключение нахождения несовершеннолетней в потенциально травматической ситуации и обеспечение его прав на безопасность и здоровье [7].

Дискуссии в правовой доктрине по поводу вопросов, связанных с элементами объективной стороны семейных правонарушений, в частности, роли вреда или его угрозы его причинения, продолжаются на протяжении нескольких десятилетий. М.В. Антокольская утверждает, что семейно-правовая ответственность может наступать независимо от факта причиненного вреда, поскольку оценка личного вреда часто затруднительна. Тем не менее, данную точку зрения нельзя принять как бесспорную, поскольку положения СК РФ содержат упоминания конкретного ущерба (по аналогии с уголовным правом их можно было бы назвать материальными составами).

Например, статьи 30 и 115 СК РФ указывают на возможность возмещения морального и имущественного вреда, соответственно, в ситуации признания брака недействительным или при несвоевременной выплате алиментов. Также, статья 65 СК РФ содержит такой признак, как ущерб здоровью и моральному состоянию ребенка. Более того, неспособность родителей создать безопасные условия для своих детей, проявляющаяся в жестоком обращении, непосредственно воспринимается как угроза, что может стать причиной лишения родительских прав.

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует заключить, что признаки и характеристики объективной стороны семейного правонарушения изучены научным сообществом. Однако не совсем корректное их закрепление на законодательном уровне влечет отсутствие единообразного подхода в рамках правоприменительной практики. Предложения, сформулированные в рамках настоящей статьи ориентированы на минимизацию коллизий, возникающих при интерпретации объективной стороны семейного правонарушения.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017.
3. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2021 по делу № 88-6030/2021 // СПС КонсультантПлюс.
4. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2020 № 88-8419/2020 // СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.04.2018 по делу № 33-9381/2018 // СПС КонсультантПлюс.
6. Обобщение практики рассмотрения районными судами Самарской области в 2018 - 2019 годах гражданских дел по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, об ограничении родительских прав, о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об отмене усыновления детей, об установлении отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) (подготовлено Самарским областным судом 21.07.2020) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.01.2025).
7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2023 № 88а-4016/2023 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 16.01.2025).
8. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. / [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека / URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005502134> (дата обращения

14.01.2025).

9. Якушева Н.Е. Признание брака недействительным в случае дефекта воли лиц, вступающих в брак: некоторые аспекты // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 27 - 29.

@Бюллетень магистранта 2025 № 2